

Страхи и тревожность наших учеников: откуда они и к чему приводят?

Ирина ЩЕРБО, директор 1071-й московской школы, заслуженный учитель РФ, кандидат педагогических наук

Статьи, которые мы вам предлагаем, предназначены прежде всего для обсуждения на секции директоров школ. Авторы поднимают тему, которая вряд ли активно обсуждается на августовских конференциях, а ведь это не только острейшая педагогическая, но и социальная проблема: конфликты учителя и ученика, страхи и тревожность в школе. С причинами этих явлений полезно ознакомиться и школьным психологам, и учителям-предметникам.

В каждом человеке заложен психологический «поплавок надежды»: будущее мы хотим видеть только со знаком плюс. Даже придумали обнадёживающее понятие «школа нового поколения». И это не просто красивые слова, в них — тревога общества, родителей и наша, учительская, за судьбу детей. Все мы обеспокоены ситуацией в наших образовательных учреждениях. Тревожной проблемой стало ухудшение физического и психического здоровья детского населения страны.

Всемирная организация здравоохранения в 1969 году была в набаб: по её предположениям, к концу XX столетия 14% детей в мире будут страдать серьёзными психическими заболеваниями. Ползучая статистика сегодняшнего дня показывает, что количество детей, имеющих отклонения в развитии, состоянии здоровья, поведении и нуждающихся в коррекционной, компенсирующей, реабилитационной работе, постоянно растёт, достигая сегодня уже 35–45% от общего контингента. По данным Н.П. Вайзмана, у 70% детей при поступлении в 1-й класс низкий уровень школьной зрелости.

Адаптация подрастающего поколения в обществе отражает мировые тенденции и проблемы. Да, мир вокруг нас изменился глобально, совершив за последнее столетие несколько витков своего развития. Но принесло ли это человеку благо? Стал ли он разумнее? Осознал ли, что наша независимость от природы весьма условна?

Снижение детской приспособляемости к условиям внешней среды стало повсеместным. Учёные выделили среди факторов дезадаптации социальные, биологические и психологические. Но для нас, педагогов, особо тревожным стал новый фактор — школьная дезадаптация. Да, да! Наши школы, которые мы строим как второй дом для детей, сами стали источником, ослабляющим механизмы приспособления. Противоречия, существующие между унифицированными школьными условиями и индивидуальностью ребёнка, приводят к соматической ослабленности, эмоциональным расстройствам, психической депривации, что снижает познавательную активность, школьную успеваемость, приводит к социально-педагогической запущенности.

Наша школа с «поточными» (читай — фронтальными) методами обучения, с усреднённым учеником родом из XVII века — школа фабрично-заводской технологии. Перед той школой-прабабушкой стояла задача — в короткие сроки дать большому количеству детей средний уровень технических знаний, так как это был период зарождения и развития индустриального общества. Школа того времени строилась на технологиях производства: жёсткая регламентация всего процесса во времени, единый временной календарь, информационный объём материала, единые фронтальные методы обучения и всё — по звонку. Классно-урочная система, сыгравшая в те времена огромную роль, с очень небольшими изменениями дошла и до наших дней. Она не ориентирована на индивидуальную работу с учеником. И когда школьник проявляет свою неординарность — мы гордимся этим, приписывая заслуги себе. Когда же школа отторгает неуспешного ученика, мы фиксируем отсев, упрекая ребёнка в нерадивости.

И вот ещё что весьма и весьма тревожно: из наследства XX века мы, к сожалению, принесли с собой в новое тысячелетие и в новый век — кнут и страх.

Бихевиористы полагали, что дети не будут учиться «без положительных и отрицательных подкреплений», т.е. без поощрений и наказаний. Мы это усвоили всем своим существом, всей жизнью: ведь мы с вами из этой же школы — кнута и пряника. Успокаиваем себя лишь тем, что кнута у нас меньше, чем у других. Но так ли это? **Глубокое размышление над сутью сегодняшней школы приводит к выводу: при всех наших добрых намерениях в школе больше кнута, чем пряника. И родители, и педагоги вооружаются этим средневековым орудием убеждения, воспитания, обучения.**

... Малыш лет до 5 не обескуражен неудачами. Он всё время экспериментирует: тянет ногу ко рту, прикладывает крышку своего горшка к голове, надевает кольцо на палочку — «бац, бац — и мимо». Малыш не реагирует на неудачу так, как взрослый, он ещё не воспринимает её как позор, стыд, чуть ли не преступление. Его самообучение доставляет ему огромное удовлетворение вне зависимости от результата, от того, наблюдает за ним кто-нибудь или нет. И поощрением для него служит не столько результат, сколько сам процесс познания, сама активная деятельность. В итоге за этот период жизни он познаёт, по мнению Л.Н. Толстого, столько, сколько познает за всю оставшуюся жизнь.

В школе **результат мы поставили во главу угла**, подчинив ему всё: время, возможности ребёнка, качества его характера, интерес и т.д. Тем самым породили высокий уровень тревожности, который пропитал все наши учебные заведения, став чертой менталитета русского человека.

Что же порождает страх и тревогу в наших школах? Увы, само это антиприродное явление — нынешняя наша школа. В ней так много против природы! Конгломерат этажей с многоликой армией учителей и школьников, притязающих на своё пространство в школьном обществе, на внимание к себе, на понимание. Строгая прямоугольность школьных помещений удручающе однообразна. Где в природе мы видим такие формы? Дома мы хотя бы срезаем углы мебелью. И в довершение ко всему — нездоровая плотность двухсменного режима, где даже стены пропитаны утомлением масс, повышенным фоном шума, кислородным голоданием. О старом храме говорят: «намоленный храм». О наших школах можно сказать — натруженные, утомлённые непосильными нагрузками. Школа — искусственное общество. Отделяя детей от остальной жизни, мы совершаем грубейшую ошибку, деля жизнь детей на «до» и «после», хотя бы и из лучших побуждений. «Вот вырастешь, тогда и...». Жизнь представляется ребёнку как чёрно-белое кино на плоском экране. А она — многоцветна, многозвучна, многомерна. В ней нет ни чисто белого, ни чисто чёрного. И подросток, входя в неё, обречён долгое время жить в мире мифов и заблуждений: он сталкивается не с тем, чему его учили...

Искусственность школьного мира — и в недостаточности мужчин и мужского влияния на школьников. Не отсюда ли у нас такое количество «диванных» мужчин, не умеющих решать житейские проблемы, а лишь прожектёрствующих, строящих «воздушные замки»?

Но самое грустное, самое тревожное явление — наши школы пропитаны страхом. Главный его носитель изначально — учитель. Вот уж у кого барометр тревожности побивает все показатели! А кого может воспитать человек, испытывающий постоянный страх? Это же рабская психология. Мы должны помнить мудрость Моисея, который сорок лет водил свой народ по пустыне в борьбе за свободного человека. У нашего же воспитателя-учителя, десять лет ведущего школьников по nive знаний, — тревожность стала и профессиональной, и национальной чертой психики.

Учитель в школе находится между трёх огней: заказом государства (я намеренно не употребляю слово «общество», здесь произошла коварная, на мой взгляд, подмена); сопротивлением ребёнка, интуитивно борющегося за выживание и сохранение индивидуальности; и родителями. С тревогой всматриваюсь в учебный процесс в школе и вижу всё больше и больше страшных подмен, которые и стали в подсознании учительства сигналом: «Тревога!»

Чего же боится учитель? Прежде всего — не выполнить поставленную цель. А в чём

она? Конечно, в ребёнке: в формировании человека развитого, гармоничного. Это то, о чём мы так много говорим, для чего много, казалось бы, делаем. **Так откуда же тревога? Оттого, что мы ощущаем расхождение между словом и делом, подмену понятий. Мы превратили гуманную цель в ширму, за которой прячем истинные цели «фабрично-заводских» методов школьного образования — выпустить из школы человека с определённым объёмом информации и умений. И всё!**

Взгляните на содержание экзаменационных материалов, а теперь и тестов ЕГЭ. Что оцениваем? Гармонию личности? Порядочность человека? Его ответственность перед обществом? **Кто, где, когда определил для учителя шкалу измерения динамики развития ученика? Наша РАО? Методисты? Академия переподготовки работников образования? Никто и никогда.**

Но и с ориентацией на сформированность знаний, умений и навыков мы не добиваемся удовлетворения. Тревога растёт из непонимания: почему нет высокого качества образования, несмотря на каторжный труд? Качество — это соотношение цели и результата с учётом затрат сил и времени. А результат ничтожен, потому что в процессе обучения задачи учителя, учащегося, родителей не совпадают. Учитель определяет задачу урока как необходимость раскрыть какую-то закономерность, какое-то понятие и т.д. Школьник видит главную задачу в том, чтобы избежать неприятного: стыда от неправильного ответа, косвенного оскорбления учителем — сравнением, жестом, мимикой, реакцией класса. У родителя задачи определены амбициями: «Пусть сидит в гимназическом классе, мы что — хуже других?»

Будучи молодым директором школы, я часто говорила родителям: «Ваш сын шесть часов в школе ничего не делает». Теперь я поняла, что это неправда. Все шесть часов около 70% наших учеников напряжённо думают — изобретают свои стратегии избежать неудачи, поражения, ошибки. Все их силы тратятся на эти уловки. Вот зарисовки с наших уроков, с натуры, что называется.

Учитель долго и подробно повторяет вопрос, давая установку на построение ответа. Затем называет фамилию. И что же получает в ответ? А получает просьбу школьника: «Повторите, пожалуйста, вопрос». Нас захлёстывает раздражение: ведь мы столько времени потратили на подробное объяснение! Мы считаем, что дали установку, сконцентрировали внимание класса. Однако ученик всё время был занят другим: **он нацелен услышать лишь фамилию.** И очень желательно — не свою... Что это? Да страх это. **Самый обыкновенный банальный страх перед нами.**

Вот другой пример. В классе идёт чтение по фрагментам. Слабо читающий ученик долго не находит место, где остановился его одноклассник. Думаете, он не успевает следить? Ничего подобного. Ему легче принять вид невнимательного, чем читать с ошибками, когда после каждого промаха класс взрывается лесом рук, дабы поправить «виновного», а то и хохотом.

Наша школа построена на незыблемом принципе правильных ответов. Мы загнали ребёнка в мир, где у него нет права на ошибку. Вспомним наш анализ контрольной работы, диктанта: «Петя сделал столько ошибок», «Ваня не раскрыл образ», «Саша не решил задачу». А кто из нас хоть раз провёл такой анализ: **«Петя, ты совершил чудо! Ты мог сделать 15 ошибок, 15 подводных камней было на твоём пути. И 12 из них ты увидел, преодолел. Твои способности растут, и меня это очень радует». Вот оценка успешности!** В диктанте семиклассника — всего три ошибки, но в школе — это уже неуспех, ребёнок их допустивший, — посредственность: 3 балла. **Перевёртыши в целях приводят к перевёртышам в нашей оценке деятельности школьника.** Мы ошибочно уверены, что, пристыдив Петю, а зачастую и принародно показав, какие он делает ошибки, мы окажем ему помощь, поможем победить эти три ошибки.

Самообман это. **Педагогический самообман, порождённый той же тревожностью за оценку деятельности школьника с помощью общепринятых количественных показателей.** Всё закрепление, обобщение, контроль у нас сводится к выявлению одного: чего не знают дети, что не умеют делать? А может, стоит перевернуть пирамиду и оценивать по та-

ким показателям: **что освоили, что сумели, что уже знают дети?** И тогда, может, фобии школы уменьшатся и у ребёнка, и у учителей?

Лишив ученика права на ошибку, мы вложили в его психологию убеждение: ошибка — это чуть ли не преступление. У ребят страх перед будущей ошибкой больше, чем перед свершившимся фактом. У совершившего ошибку одна задача: скорее забыть неприятность! Вы не замечали, что неряшливые в работе и получившие плохие оценки дети сдают свою работу раньше других, зачастую первыми. Почему? Да потому что ими движет стремление сбросить напряжение: работа сдана — и нет уже мучительного ожидания. Всё уже в руках учителя, а дальше — фатальная неизбежность критики, унижения. Но даже это не так мучительно, как ожидание...

Глубокий стыд, страх потерять статус прочно поселились в душах детей. Когда мы вселили их? Я помню шестилетнего малыша, которого мама тянула в детский сад, а он настойчиво просил: «Скажи ей, пусть она не спрашивает, чего я не знаю!» Тогда откровение ребёнка вызвало улыбку у взрослых. Но последующая жизнь этого маленького человека, полная комплексов, вот уже более двадцати лет гложет меня тем, что я тогда не услышала ребёнка, не поняла всей педагогической мудрости его просьбы...

Наверно, отсюда — молчаливые стратегии детей на уроке: мы их спрашиваем, они встают, смотрят в потолок или в окно и — молчат, в надежде, что учителю станет жалко времени и его посадят, а спросят другого. Что, нечего ему сказать? Ведь от природы он не глупее других. И у него есть какой-то ответ, решение. А он молчит, боится: вдруг неправильное? Вспомните, с какой агрессивной тональностью учащиеся 3–6-х классов, фиксируя ошибку своего одноклассника, взрывают класс враждебной поправкой. Тут уж и впрямь лучше молчать, чем с холодом в груди ждать этого коллективного, беспощадного судилища.

Мы лишили ученика права на помощь учителя. Считаю за доблесть, что во время контрольной работы, диктанта мы ни к кому не подошли, а стояли, как Цербер у врат в преисподнюю, не давая возможности даже самым слабым заглянуть в тетрадь соседа, т.е. «украсть» чужое решение. А кто научил их красть? Да мы же, с вами, коллеги! Прекрасный педагог-новатор Евгений Ильин считает, что работа над классным сочинением — время самого близкого контакта учитель — ученик, время самой активной помощи ученику.

В нашей школе филолог Алла Михайловна Аксюк даёт ученику право на помощь учителя, и если ребёнок не знает, как написать слово, он пропускает тревожную для него букву, ставя на полях знак «?». И это — во время диктанта! А другая учительница Анна Сергеевна Янина, проводя диктант, сидит около одного из шестиклассников: для того чтобы он справился с работой, ему просто необходимо её близкое присутствие. На мой взгляд, **это величайшие дидактические открытия практиков.** Ведь помощь учителя именно в экстремальных условиях контрольной работы, когда обострена ориентация на успех, которого ожидает каждый школьник, может создать ситуацию прозрения, а вслед за нею и понимания. Уверенность, что учитель рядом, придёт на помощь — это снижение тревожности, а значит — составная часть пути к успеху и ученика, и самого учителя, предназначение которого — учить, вести, помогать.

А вот ещё один, на мой взгляд, «перевёртыш» в нашей педагогике. Под **формированием личности** (давайте назовём всё своими именами!) мы имеем в виду ломку личности: левшей мы делали многие годы правшами, кинестетиков зажимаем в зону отсутствия движения, дислектиков доводим до невроза требованием все абсолютно слова писать правильно. Мы — тонкие, образованные, чуткие, гуманно ориентированные профессионалы — забываем, что вся энергия детей уходит **на бесполезную борьбу со своей индивидуальностью**, данной от природы. Что рожено, то заморожено — гласит пословица. Постигание учебных задач идёт у ребят только через особый, данный этому ребёнку, тип восприятия. Мы всё время в борьбе со школьниками. А борьба — это тревога для обеих сторон. При этом наша деятельность оказывается не созидательной, а разрушительной: весь энергетический потенциал направлен на разрушение «до основания, а затем...».

Ролевую игру мы задаём ученику рефлекторного типа, а импульсивному — предлагаем

решать логические задачи письменно. **То есть всё время ставим нашего ученика в условия дискомфорта, ломки его стереотипа, повышая тем самым его тревожность** и теша себя тем, что выполняем великую миссию: формируем гармоничную личность! И тут перевертыш: **гармония — это согласие с собой, с окружающими людьми и с миром.** Но вместо гармонии — круговая оборона, а значит — страх у ребёнка: вдруг заставят делать то, чего он не может? И у учителя: почему они не учатся тому, чему мы их учим?

Как эту ситуацию преодолеть?

Оторванность школы от практики и жизни, информационная перегрузка детей, их постоянный страх — всё это приводит к тому, что после школы ребята забывают большую часть из выученного за партой. Единственная разница между слабым и сильным учеником в том, что плохой забывает всё сразу, а хороший — после экзамена.

Страх разрушает интеллект и способности, страх порождает страх, — точно так же, как успех порождает успех...

Пора нам, коллеги, задуматься над тем, что у нас в передаче человеческого опыта бытия есть две парадигмы: страх и успех. И та и другая дают свой результат. Нашему российскому образованию по объёму преподаваемых знаний «в прок» — равных нет. Но наше самое «передовое» в мире образование — мощнейшее средство в формировании высокого уровня тревожности школьника. Не от того ли наша тяга после долгого терпения и страха впадать в крайность бунта, революций, гражданских войн?..

Москва